

ФЛАНГОВЫЙ МАНЕВР РУССКОЙ АРМИИ В СЕНТЯБРЕ 1812 г.

Фланговый маневр, совершенный русскими армиями в сентябре 1812 г. в окрестностях Москвы, оказал существенное влияние на изменение хода военных действий в пользу России и поэтому неслучайно эти судьбоносные события занимают важное место в истории Отечественной войны. С появлением русских войск на Старой Калужской дороге в противоборствующих армиях начали происходить неожиданные метаморфозы. Главнокомандующий Великой армией, император французов Наполеон, вступивший в Москву победителем, оказался к началу октября в положении побежденного, ищущего мира, полководца. Напротив, главнокомандующий русскими армиями светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов, не решавшийся подвергать армии риску сражения и оставивший первопрестольную без боя, к началу октября имел реорганизованную и боеспособную армию готовую продолжить борьбу с войсками Наполеона. Началом этого переломного периода можно считать 2 сентября 1812 г.¹ – день оставления русскими войсками Москвы и вступления в нее Великой армии. А завершился он 6 октября, когда на границе Московской и Калужской губерний при реке Чернишне русские войска с успехом атаковали оторванный от главных сил отряд маршала империи И. Мюрата.

Фланговый марш, совершенный Кутузовым под Москвой, уже в ходе войны был оценен современниками как блестяще задуманный и мастерски организованный маневр. Эта характеристика сентябрьских событий прочно утвердилась и в отечественной историографии. Первым источником, осветившим ход маневра, был рапорт Кутузова императору, написанный 6 сентября 1812 г. в Подольске. В нем главнокомандующий сообщал, что имел намерение приблизиться к коммуникации противника и поэтому, отступив по дороге на Коломну, реализовал свои замыслы, совершив фланговый марш к Подольску. Неприятель не заметил этого движения и продолжал преследовать казаков, оставленных на Коломенской дороге. Поэтому Кутузов принял решение продолжить фланговый обход и перейти на Старую Калужскую дорогу². Этот рапорт, показывающий наличие заранее продуманного плана действий и демонстрирующий достигнутые успехи в прикрытии маневра от глаз противника, был обнародован уже 24 сентября 1812 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости».

Данная характеристика флангового маневра получила сначала распространение в публицистических изданиях об Отечественной войне, создававшихся в большом числе в послевоенный период (в них подчас можно встретить описание флангового маневра, практически полностью совпадающее с текстом рапорта Кутузова³). Впоследствии, мнение о том, что главнокомандующий заранее спланировал выход русских войск на калужское

направление для прикрытия южных губерний и блестяще осуществил задуманный маневр благодаря оставленному на Рязанской дороге отряду казаков, обманувших бдительность противника, перешло в исторические труды. Уже почти 200 лет эта точка зрения на фланговый маневр занимает главенствующее положение в отечественной историографии. Опираясь на нее как на своеобразный «фундамент», исследователи лишь по разному интерпретируют степень предусмотрительности и гениальности Кутузова⁴. Кроме того, по разному решается вопрос о том, когда был завершен фланговый маневр. Одни (например: Д.П. Бутурлин, А.И. Михайловский-Данилевский, М.И. Богданович, Е.В. Тарле и др.) считали, что обходное движение русских войск вокруг Москвы закончилось с выходом русских армий на Старую Калужскую дорогу, к селу Красная Пахра. Другие исследователи (Л.Г. Бескровный, П.А. Жилин, Н.А. Троицкий, Ю.Н. Гуляев, В.Т. Соглаев и др.) полагали конечным пунктом флангового маневра село Тарутино. Исходя из этого в середине XX в. появляется термин Тарутинский маневр или марш-маневр, который прочно закрепился в современной историографии⁵, несмотря на то, что сам Кутузов характеризовал совершенное в сентябре 1812 г. обходное движение как фланговый марш, не акцентируя внимания на конечном пункте движения войск.

Следует отметить, что в освещении флангового маневра русских армий, историки, как правило, отдавали предпочтение не анализу массива примарных фактов, зафиксированных в делопроизводственных документах, дневниках и воспоминаниях участников событий, а исследовательской интуиции, опирающейся на принятые априори посылки о предусмотрительности Кутузова и избирательный подход к источникам. При этом непоследовательность распоряжений главнокомандующего в сентябрьские дни и неоднозначность оценок происшедших событий современниками исследователи объясняли тем, что главнокомандующий тщательно скрывал свои замыслы от окружающих. Учитывая сложившиеся в отечественной историографии особенности освещения флангового маневра, в данной работе предпринимается попытка рассмотрения совершенного Кутузовым движения, на основе архивных и опубликованных документов военного командования, а также – на введенных в научный оборот воспоминаниях участников сражения, дневниках и письмах.

* * *

2 сентября 1812 г. русские армии покинули Москву. Войска проследовали через город и вышли на главную почтовую дорогу, ведущую в Рязань. Анализ документов Главного штаба показывает, что фланговый маневр, осуществленный в сентябре 1812 г. русскими войсками, не был заранее спланирован, как считали некоторые современники и многие историки. Еще 1 сентября, на военном совете в Филях, были названы два возможных направления действия войск. Первое – восточное, на Владимир, было предложено главнокомандующим 1-й Западной армией М.Б. Барклаем де Толли. Это движение обеспечивало прямое сообщение с Санкт-Петербургом и прикрывало территории к северу и востоку от Москвы.

Второе направление – южное, на Калугу, давало возможность воздействовать на коммуникационную линию армии Наполеона и сохранить связь с войсками, военными ресурсами и продовольственными базами, расположенными в южных и западных регионах. Это направление было предложено по одним данным Л.Л. Беннигсенем – исправлявшим должность начальника Главного штаба соединенных (1-й и 2-й Западных) армий, по другим – К.Ф. Толем – генерал-квартирмейстером 1-й Западной армии, фактически исполнявшим должность генерал-квартирмейстера соединенных армий⁶.

Преимущество фланговой позиции на одной из Калужских дорог⁷, было очевидно. Но реализация этой идеи всецело зависела от дальнейших действий Наполеона: будет он продолжать активно преследовать русские войска или остановится в Москве. Поэтому умудренный военным опытом главнокомандующий армиями Кутузов, отличавшийся осмотрительностью и избегавший рискованных шагов, принимал свои решения в соответствии со складывающейся обстановкой, а не действовал слепо по заранее спланированной схеме. Очевидно, что Кутузов первоначально предполагал сохранить сообщение с Рязанью и Владимиром. Именно к этим пунктам 1 сентября 1812 г. он распорядился направлять подкрепления и провиант⁸. Показательно, что еще 29 августа главнокомандующий распорядился направить весь собранный в Калуге запас продовольствия к Владимиру. Это предписание было получено калужским губернатором П.Н. Каверинным 31 августа и в тот же день он сообщил Кутузову, что транспорты будут направлены к месту назначения через города Алексин, Каширу, Коломну и Егорьевск⁹. 2 сентября Кутузов предписал командиру 9-го резервного полка следовать *«на Богородск к Владимиру, куда и армия с Рязанской дороги поворачивает»*¹⁰. Данные распоряжения показывают, что Кутузов заблаговременно предпринимал шаги по формированию коммуникационной линии, опирающейся на Владимир. Следовательно, это направление первоначально было выбрано для отхода войск.

Но уже 3 сентября, видя, что противник фактически прекратил преследование, главнокомандующий избирает новое направление движения армий. В этот день он указал формиовавшему резервные части генералу князю Д.И. Лобанову-Ростовскому, что армия переходит на Тульскую дорогу и новые полки следует *«направить поспешнее»* к Коломне и Серпухову¹¹. Более обстоятельно о своих намерениях Кутузов 3 сентября сообщил генерал-майору Ф.Ф. Винценгероде, командовавшему отрядом, назначенным для прикрытия северного направления. *«Я намерен, – писал Кутузов, – сделать завтра переход по Рязанской дороге, далее вторым переходом выйти на Тульскую, а оттуда на Калужскую дорогу на Подольск»*¹². *Сим движением я намерен привлечь все внимание неприятеля на свою армию, угрожая его тылу. Подольск – такой пункт, где я надеюсь найти позицию и получить подкрепления, и оттуда я смогу высылать партии на Можайскую дорогу»*¹³. Как видно, Подольск, находившийся на главной почтовой дороге,

по которой через Серпухов можно было добраться до Калуги, рассматривался 3 сентября Кутузовым, как конечный пункт движения армий.

Сделав окончательный выбор в пользу южного направления, Кутузов 4 октября пишет первый, после оставления Москвы, рапорт императору. В нем он достаточно подробно раскрывает свои планы, сообщая, что движение к Тульской дороге *«приведет меня в состояние защищать город Тулу, где храниться важнейший оружейный завод, и Брянск, в котором столь же важный литейный двор, и прикрывает мне все ресурсы, в обильнейших наших губерниях заготовленные»*. Кроме того, избрав это направление, главнокомандующий сохранял связь с армиями А.П. Тормасова и П.В. Чичагова, которые могли угрожать правому неприятельскому флангу. *«С дорог Тульской и Калужской, – продолжает Кутузов, – партиями моими буду пересекать всю линию неприятельскую, растянутую от Смоленска до Москвы, и тем самым, отвращая всякое пособие, которое бы неприятельская армия с тылу своего иметь могла, и обратив на себя внимание неприятеля, надеюсь понудить его оставить Москву и переменить всю свою операционную линию»*¹⁴.

Этот тактический замысел, избранный, в конечном счете, главнокомандующим, становился еще более эффективным с приближением к коммуникации противника. Поэтому, после того, как русские армии прибыли 6 сентября к Подольску и выяснилось, что неприятель, не обнаружив флангового движения войск, остался на Рязанской дороге, Кутузов принял решение о дальнейшем продвижении во фланг противника. Теперь, он намеревался перейти на проезжую большую, иначе Старую Калужскую дорогу. О своем решении 6 сентября главнокомандующий сообщил императору. *«Завтре, – писал он, – армия, сделав фланговый же марш 18 верст на Калужскую дорогу и послав сильные партии на Можайскую, весьма озаботить должна тыл неприятельский»*¹⁵. В этот же день о своих планах Кутузов поставил в известность главнокомандующих армиями Чичагова и Тормасова, начальника арьергарда генерала М.А. Милорадовича, калужского гражданского губернатора и командующего в Калужской губернии войсками В.Ф. Шепелева¹⁶. Однако, намеченный на 7 сентября переход войск на Старую Калужскую дорогу не состоялся, и армии еще один день оставались в Подольске. Движение войск было назначено на 8 сентября. Согласно принятой диспозиции, армии должны были покинуть Подольск в 5 часов ночи и двумя колоннами проследовать до деревни Красная Пахра, лежащей на проезжей большой дороге на Калугу¹⁷. В этом месте Кутузов завершил фланговый маневр и, приводя в исполнение свои замыслы, уже 9 сентября направил отряд под командованием генерал-майора И.С. Дорохова к Можайской дороге для проведения диверсий и наблюдения за движениями неприятеля¹⁸.

Принятое Кутузовым расположение русских войск на Старой Калужской дороге, между дорогами на Можайск и Рязань, давало ему возможность наблюдать за всеми следующими из Москвы на Тулу и Калугу путями. Тем самым главнокомандующий занял с одной стороны

выжидательную позицию, позволявшую выиграть время для приведения армий в порядок, а с другой сосредоточил свое внимание на ведение против неприятеля «малой войны». Уже 11 сентября в рапорте Александру I главнокомандующий, сообщив о выходе армий на Старую Калужскую дорогу, отметил, что *«главная забота, которую теперь занимаемся, есть укомплектование войск»*. И вместе с тем привел императору ряд сообщений частных начальников, в которых рассказывалось об успешных действиях против отдельных отрядов неприятеля, особо подчеркнув эффективность деятельности партии Дорохова¹⁹. Этой новой тактики, принятой после выхода на Старую Калужскую дорогу, Кутузов придерживался до Тарутинского сражения, положившего конец бездействию главных сил противоборствующих армий.

Следует отметить, что, совершая фланговое движение, главнокомандующий постарался максимально прикрыть его от неприятельских войск. Так, на Рязанской дороге были оставлены иррегулярные полки под командованием полковника И.Е. Ефремова²⁰, которые продолжали находиться на этом направлении, отвлекая на себя внимание авангарда. Осуществлению флангового маневра в немалой степени способствовала слабая активность противника. Наполеон, войдя в Москву, на время потерял интерес к отступающим русским войскам. Московский пожар и ожидание мирных предложений отвлекли его внимание от действий Кутузова. Преследование отступающих русских армий было возложено на авангард под командованием Мюрата. Последний, полагая, что кампания подходит к концу, перестал вести активные боевые действия, отдав предпочтение мирным переговорам. Еще 2 сентября в Москве, между Мюратом и командующим арьергардом Милорадовичем, было заключено перемирие, с условием свободного выхода русских войск из города²¹. После истечения срока перемирия, как свидетельствует главный квартирмейстер императорского двора граф Ф. де Сегюр, Мюрат *«тотчас же приказал нарушить его выстрелами из карабинов. Но наши кавалеристы думали, что война уже окончена. Москва казалась им пределом, поэтому аванпостам обеих империй не хотелось возобновлять враждебных действий. Новый приказ Мюрата открыть огонь – и новые колебания кавалеристов! Тогда он, раздраженный, скомандовал сам, и опять возобновились выстрелы, которыми он как будто грозил Азии, но которым суждено было прекратиться только на берегах Сены!»*²². Однако, несмотря на решимость продолжить преследование русских войск, которая, как видно, не находила особой поддержки среди солдат авангарда, Мюрат 3 сентября вновь вступил в переговоры. По свидетельству Милорадовича в этот день Мюрат обратился к нему с просьбой оставить без боя занятое русским арьергардом место. Милорадович ответил отказом, но предупредил Мюрата о болотистой местности с левой стороны, которая может помешать его кавалерии при атаке. Мюрат, удивленный откровенностью противника отказался от нападения на позицию, которая была вечером оставлена Милорадовичем. 4

сентября переговоры возобновились, и на этот раз Мюрату была уступлена деревня²³.

4 сентября, в тот же день, когда русские любезно уступили часть своей позиции Мюрату, начальник штаба 1-й Западной армии А.П. Ермолов, по повелению Кутузова, сообщил Милорадовичу о намечавшемся фланговом марше русских войск и указал, какие меры должны быть приняты для прикрытия этого движения. Между прочим, начальник штаба 1-й армии, объявил о необходимости оставаться на занимаемой позиции на левом берегу реки Пахра *«ибо легко случиться может, что неприятель долго не предпримет атаки, а уступая без понуждения ему место, заставить можно себя преследовать»*²⁴. Как видно, русское командование с целью скрыть от противника фланговое движение, поощряло миролюбивые демонстрации на аванпостах. Все это позволило усыпить бдительность и настойчивость Мюрата. Обер-шталмейстер Наполеона А. Коленкур, слышавший о событиях в авангарде, в том числе и от императора французов, писал в своих мемуарах, что во время преследования русского арьергарда *«казацьи начальники продолжали все время расточать комплементы неаполитанскому королю, который в свою очередь не переставал выказывать им свою щедрость. Авангарду не было надобности сражаться; казацьи офицеры являлись к королю за указаниями, чтобы осведомиться, до какого пункта он намерен продолжать переход и где он хочет расположиться со своим штабом. Дело доходило до того, что они охраняли назначенный им пункт до прибытия его отрядов, чтобы там ничего не случилось»*. Кроме того, казаки убеждали Мюрата в том, что они больше не хотят воевать против войск Наполеона, отказываются по ним стрелять и в ближайшее время намерены покинуть русскую армию. Сообщив в присутствии начальника Главного штаба Л.А. Бертье подробности обхождения казаков с Мюратом, Наполеон спросил Коленкура, что он по это поводу думает. *«Что над неаполитанским королем издеваются»* – был его ответ. Наполеон и Бертье были вполне согласны с этим мнением²⁵.

Сложившееся в авангарде положение дел, когда взаимная любезность неприятелей пришла на смену грому орудий, оказало важное влияние на успех отвлекающего маневра. Противник, следовавший за конницей Ефремова, занимал позиции оставляемые мнимым арьергардом русских армий, не подозревая, что за этой завесой никаких войск уже нет. Видя безостановочное отступление русских армий по дороге на Рязань, Мюрат посчитал возможным дать отдых своим войскам, а сам отправился в Москву. Наблюдение за русскими армиями было возложено на графа империи О.Ф. Себастьяни, командовавшего 2-м корпусом кавалерийского резерва²⁶.

Действия авангарда после 4 сентября можно примерно представить по движениям Вислинского легиона, входившего в состав отряда Мюрата. Капитан 2-го пехотного полка этого легиона Г. Брандт вспоминал, что утром 5 сентября они прибыли в Панки. В тот же день на аванпостах появился парламентар. *«Говорили, – пишет Брандт, – о мирных предложениях, и многие готовы были поддаться надежде»*. 6 сентября с раннего утра

Вислинский легион начал продвигаться вперед, не видя перед собой русского арьергарда. Остановившись при Вершне и Мишкове (возможно речь идет о Верее и Михневе – населенных пунктах, расположенных восточнее Рязанской дороги в 2 км от реки Москвы) поляки простояли там до 8 сентября. В этот день они перешли Москву-реку и продвинулись по дороге на Рязань более 10 км. На аванпостах снова появился русский парламентар. *«Не знаю, – продолжает Брандт, – вследствие ли того наступил перерыв в наших движениях, но мы простояли в нашей позиции и 21 [9] число, и только производили усиленные рекогносцировки вверх и вниз по реке. Погода была суровая; холодный мелкий дождь с ветром много беспокоил нас»²⁷.*

Возможно, польская дивизия была выдвинута вперед вместе с кавалерией Себастьяни для разведки местности, в то время как основные силы авангарда оставались за Москвой-рекой. Тогда же, по всей видимости, Себастьяни удалось установить, что стоявшие против него казаки никаких войск в действительности не прикрывали. По крайней мере, по свидетельству барона империи А. Фэна, секретаря-архивиста в личном кабинете императора, известие об исчезновении русских армий было получено Наполеоном в ночь с 9 на 10 сентября. Мюрат в это время находился в Москве. С этого момента вопрос о местоположении русских армий встал перед французским императором с особой остротой. К этому прибавились неприятные известия о нападении казаков на коммуникационную линию²⁸. Развитие событий заставило Наполеона предпринять энергичные меры по поиску пропавшего противника.

Полагая, что Кутузов мог занять какую-либо позицию для прикрытия южных губерний, император Франции сосредоточил свое внимание на обследовании именно этого направления²⁹. Еще 8 сентября 5-й армейский корпус под командованием князя Ю. Понятовского был выдвинут по дороге на Серпухов, к Подольску. С получением известия об исчезновении русских армий, Наполеон 10 сентября создает сводный корпус для наблюдения Старой Калужской дороги. Этот корпус, в состав которого были включены 4-я пехотная дивизия 1-го армейского корпуса, бригада легкой кавалерийской дивизии 1-го армейского корпуса, 3-й корпус кавалерийского резерва и сводная бригада (4-я и 5-я бригады) гвардейской кавалерии, был поручен командующему гвардейской кавалерией маршалу Ж.Б. Бессьеру. Ему Наполеон предписал следовать к деревне Десна и стараться всеми силами разведать движение русских сил пока не будут найдены следы исчезнувших армий. Мюрат, в свою очередь, 10 сентября двинулся с авангардом по дороге на Рязань с целью обнаружить противника. Так как мост в Боровском перевозе был сожжен, то войска перешли реку Москву в брод у деревни Заозер. Об этом движении Ефремов, наблюдавший дорогу на Рязань, доложил 10 сентября Милорадовичу, сообщив, что в 3 часа дня противник подходил уже к селу Становому, лежащему примерно в 10 км от Бронниц. К вечеру авангард подошел к городу, где и остановился на ночь. Не обнаружив у Бронниц русских армий, Мюрат двинулся к Подольску. В ночь с 11 на 12 сентября Наполеон писал Мюрату, что перед ним должна стоять только одна

цель – напасть на след противника. При этом император французов предписал выступить в сторону Калуги, так как в этом направлении, как его уверили, двигались от Серпухова русские армии. После того, как войска Кутузова будут обнаружены, Наполеон предполагал выйти из Москвы и отбросить их на несколько переходов от города. Это должно было уменьшить исходившую от русских армий угрозу³⁰.

Расположив главные силы у Красной Пахры Кутузов, в ожидании действий неприятеля, выдвинул в разных направлениях два сильных авангардных отряда. К 10 сентября отряд, при котором находился Милорадович, располагался впереди армий в деревне Десне на Старой калужской дороге. Он состоял из 8-го пехотного корпуса М.М. Бороздина и 1-го кавалерийского корпуса, находившегося под командованием барона Е.И. Меллера-Закомельского³¹. Второй отряд, под командованием Н.Н. Раевского, стоял в деревне Луковне, на левом берегу реки Пахры, прикрывая путь от Подольска к Красной Пахре. В этом отряде находился 7-й пехотный корпус Раевского и 4-й кавалерийский корпус, под командованием И.В. Васильчикова. Авангардные отряды имели в своем составе казачьи полки, которые наблюдали все, лежащие к югу от Москвы, дороги: на Рязань, Каширу, Серпухов и Калугу (Старую и Новую)³².

Уже 9 сентября Милорадович сообщил Беннигсену об обнаружении казаками неприятеля на Серпуховской дороге. В последующие дни, было замечено продвижение сил противника со стороны Каширской дороги. Начались схватки на аванпостах. Все это заставило Кутузова насторожиться. Не имея точных сведений о перемещении неприятеля и видя его активизацию со стороны Подольска, в Главном штабе предположили, что противник, двигаясь по дороге на Чириково, готовится зайти в тыл русской позиции. Поэтому было принято решение приблизить авангард Милорадовича к армии и войска, находившиеся в Десне, отступили примерно на 3 км³³. После этого в Десну вступили передовые части сводного корпуса Бессьера. Стремясь активизировать боевые действия Беннигсен тогда же, 12 сентября, предписал Милорадовичу произвести 13 сентября в 5 часов ночи нападение на деревню Десну. От него требовалось отбросить неприятельские войска от Десны и занять этот пункт. При этом, от первых пленных он должен был узнать «*о действительных неприятельских силах*», чтобы можно было выслать, в случае необходимости, достаточно войск для поддержки отступления авангарда. Одновременно, Раевскому предлагалось сделать фальшивую атаку, для отвлечения на себя внимания противника. В подкрепление Милорадовичу направлялись 4-й пехотный корпус графа А.И. Остермана-Толстого и 2-й кавалерийский корпус³⁴ барона Ф.К. Корфа³⁵. В тот же день, в 7 часов вечера, Кутузов, придерживавшийся выжидательной тактики, направил Милорадовичу предписание, ограничивавшее рамки его инициативы. Главнокомандующий указывал на необходимость выяснить у пленных, нет ли поблизости крупных сил неприятеля, что бы избежать возможности завязать генеральное сражение. «*Я, – писал главнокомандующий, – ожидая большие подкрепления, хочу сим*

*повременить, а подкрепясь новыми силами дать неприятелю генеральное сражение, и потому избегайте сего случая»*³⁶. После этого, в 8-м часу, Беннигсен прислал предписание Милорадовичу об отмене атаки. Как писал в своих записках Беннигсен, это было сделано по причине появления в штабе предположения, что на следующий день неприятель атакует русские войска. Поэтому, Беннигсен предложил Кутузову ожидать противника в занятой у Красной Пахры позиции. Касаясь этого эпизода, Барклай де Толли писал: *«Все вообразили себе, что Наполеон со всею своею силою наступал во фланг и в тыл армии»*³⁷. Простояв в ожидании нападения неприятеля до 14 сентября, русские армии, во избежание обходного маневра, начали отходить в ночь на 15 сентября по Старой Калужской дороге к деревне Бабинки. Для прикрытия правого фланга русских войск на Чириковскую дорогу был выдвинут еще один отряд, под командованием Остермана-Толстого, в составе 4-го пехотного и 2-го кавалерийского корпусов³⁸.

В то время как в русском штабе ожидали начала наступления неприятельских войск, в штабе Наполеона еще даже не имели четкого представления о местонахождении армий противника. 13 сентября Мюрат подошел к Подольску, где соединился с 5-м армейским корпусом Понятовского. В тот же день Бессьер занял Десну. Капитан Брандт, следовавший в составе Вислинского легиона вдоль реки Пахры к Подольску, отмечал, что во время движения они не видели противника и на их пути встречались только небольшие группы казаков. Лишь вечером 13 сентября *«приблизилась неприятельские конные отряды, имевшие при себе батарею. Открылась живая канонада, в которой приняла участие и наша полковая артиллерия»*³⁹. *«Снова, – вспоминал старший врач 3-го вюртембергского конно-егерского полка «Герцог Луис» 2-й легкой кавалерийской дивизии корпуса Себастьяни Г.У. Роос, – началась кровавая военная потеха: все виды оружия приведены были в действие, и ежедневно, нередко с утра до вечера, происходила пушечная пальба»*⁴⁰.

Таким образом, только после вступления в соприкосновение с аванпостами русских войск удалось определить, где расположились главные силы Кутузова. 14 сентября Наполеону было сообщено, что русские армии находятся на Старой Калужской дороге в одном переходе от Москвы. Такое близкое положение к разбросанным вблизи города частям Великой армии, при учете начавшегося давления на коммуникационную линию, было для войск Наполеона опасным и нетерпимым. Однако французский император, стремившийся дать отдых своим войскам, не решился выступить всеми силами против Кутузова. Он был уверен, что русские армии начнут отходить, если авангард перейдет в решительное наступление. Поэтому Наполеон, передав под командование Мюрата 5-й армейский корпус и 3-й корпус кавалерийского резерва, приказал ему напасть на русские войска и отбросить их на несколько переходов от Москвы. Бессьер, с оставшимися в его сводном корпусе силами, должен был остаться на Старой Калужской дороге в качестве резерва отряда Мюрата, на который он мог бы опереться в случае необходимости. Если бы Кутузов решил защищать занятую им позицию, то

Наполеон был готов оставить Москву и лично повести войска против русских армий⁴¹.

С этого времени противоборство между противниками начинает набирать свою силу. Взаимные любезности и мирное урегулирование отношений были оставлены позади. Вновь в авангардах загремели орудия и начались кровопролитные схватки. 15 сентября Милорадович, находившийся с арьергардом при деревне Красной Пахре, сообщил дежурному генералу П.П.Коновницыну, что расположенные у Десны аванпосты вступили в перестрелку с неприятелем. Тогда же Остерман-Толстой, прикрывавший дорогу на Чириково, уведомил о концентрации войск на правом фланге, в направлении Серпухова⁴².

Заметная активизация противника заставила русское командование принять ответные меры и подготовиться к атаке неприятеля. В предписаниях посланных 15 сентября из Главной квартиры Кутузова указывалось 4-му пехотному корпусу на рассвете 16 сентября атаковать неприятеля, разбить его и прогнать, если удастся, до Подольска. Цель этого наступления заключалась в том, что бы вынудить следовавшие по Серпуховской дороге части противника прекратить свое движение и вернуться назад⁴³. Однако атака, назначенная на 16 сентября, не состоялась. Возможно Кутузов, посчитав позицию, на которой стояли русские войска, не достаточно хорошей для принятия в ней сражения, решил не бросать Наполеону вызов и отложить сражение до перехода на более выгодную местность⁴⁴. По свидетельству Беннигсена о Тарутинской позиции он впервые узнал 17 сентября от Ермолова, который был послан Кутузовым к нему для выяснения его мнения о возможности отступления⁴⁵. Уже на следующий день решение о переходе на новую позицию было принято окончательно. В предписании от 18 сентября князю И.М. Вадбольскому, направленному во главе партизанского отряда на Новую Калужскую дорогу, говорилось, что армия *«завтрашний день отступит по Старой калужской дороге до села Спас-Купля, а 20 числа до деревни Тарутиной к реке Наре, куда и имеет доставлять ваши донесения»*⁴⁶. В соответствии с принятым планом русская армия 19 сентября перешла к селу Спас-Купля. Главная квартира располагалась сначала в селе Спас-Купле, затем в селе Богородске (Богородицке). В этой позиции армия оставалась весь следующий день. 20 сентября, по свидетельству находившегося при Беннигсене прапорщика Н.Д. Дурново, Главная квартира была перенесена в Тарутино. Тогда же началось выдвижение к избранной позиции артиллерии, которое осуществлялось под прикрытием полка кирасир. Последние, по прибытии на место, должны были занять постами ближайшие населенные пункты *«дабы жителям никакой обиды и притеснений чинимо не было»*. Главные силы русской армии, согласно диспозиции, должны были выступить 21 сентября в 5 часов утра. В этот же день армия заняла Тарутинскую позицию⁴⁷. Тем самым завершился отход русских войск по Старой Калужской дороге.

Кутузов, расположив армию в Тарутинской позиции, был настроен весьма решительно. 27 сентября 1817 г. А.И. Михайловский-Данилевский,

состоявший в 1812 г. при Главном штабе Кутузова, посетил в свите Александра I Тарутино. Воскрешая в памяти события пятилетней давности он писал: *«Скоро увидели мы Тарутино, и множество воспоминаний овладели моею душою. Вот крутой берег Нары, стоя на котором наш герой [Кутузов – В.Б.] сказал в ту минуту, когда армия вступила в Тарутинский лагерь: "Теперь ни шагу более назад». Вот дом, где он принимал Лористона! Вот укрепления, заслонившие Россию! Какие памятники Греции и Рима могут сильнее, чем сии священные места, говорить нашему сердцу и воображению, ибо тут спасено было отечество наш»*⁴⁸. Слова Кутузова, сказанные им на высоком берегу Нары и услышанные Михайловским-Данилевским, который не только вспомнил о них в 1817 г., но и поместил в составленное им *«Описание Отечественной войны 1812 г.»*⁴⁹, свидетельствуют об окончании отступательного движения и демонстрируют готовность главнокомандующего не уступить без боя занятую при Тарутино позицию.

Обращение к документальным источникам позволяет сделать вывод, что, оставляя Москву, Кутузов не имел однозначного плана, согласно которому осуществлялось бы дальнейшее движение русских армий. Выход на Рязанскую дорогу давал ему возможность в зависимости от развития событий, выбрать одно из направлений: южное, способствующее прикрытию продовольственных и оружейных баз, а так же обеспечивающее связь с армиями Торماسова и Чичагова, или восточное, позволяющее, при необходимости продолжить отступление и прикрыть северное направление. Как видно, действия Кутузова, при оставлении первопрестольной, напрямую зависели от дальнейших шагов Наполеона. Предполагая худший вариант развития событий, когда Великая армия продолжит преследование русских войск, Кутузов предпринял шаги к перемещению резервов и продовольственных запасов в восточном направлении, на Владимир, куда он был готов продолжить отступательное движение. Но обстоятельства сложились иначе. Наполеон остановился в Москве и преследование русских армий практически прекратилось. Это дало возможность Кутузову изменить первоначальное принятое решение и отдать распоряжение о движении армий во фланг противника.

Совершая фланговый маневр, он действовал крайне осторожно, пристально наблюдая при всяком новом переходе за реакцией неприятеля. Для сокрытия истинного направления движения войск Кутузов оставил на Рязанской дороге небольшой отряд иррегулярной кавалерии, который стал своего рода завесой между передовыми частями противника и русским арьергардом. Однако роль этого отряда в сокрытии русских войск не имела того значения, какое ему традиционно приписывается. Противник не преследовал его безостановочно до Бронниц. Движение авангарда Мюрата было фактически остановлено у Москвы-реки. Но как только Себастьяни перешел на другой берег и провел 9 сентября рекогносцировку местности, он сразу обнаружил отсутствие русских войск. Только после этого Мюрат с

основными силами переправился через Москву-реку и совершил переход до Бронниц.

Содержащиеся в документах Главного штаба распоряжения показывают так же, что сначала целью флангового маневра Кутузов считал Подольск. Но, убедившись в безопасности русских войск, он принял решение перейти к Красной Пахре, где и закончилось фланговое движение. Поэтому появившийся в советской историографии термин Тарутинский марш-маневр носит явно условный характер и не имеет под собой серьезных исторических оснований. К моменту завершения флангового движения Кутузов свою стратегическую цель видел не в активизации боевых действий, а в восстановлении боеспособности русских армий. Все это, в конечном итоге, заставило главнокомандующего при появлении войск противника оставить Красную Пахру и отойти по направлению к Калуге. Выбранная на этом пути Тарутинская позиция, возможно, могла стать местом нового сражения с Наполеоном, но появление 23 сентября в Тарутино бывшего французского посла в России Ж.-А. Лористона с мирными предложениями императора французов, привело к прекращению боевых действий между главными силами противоборствующих армий.

Таким образом, можно говорить о том, что фланговый маневр не был заранее разработан и продуман Кутузовым. Он был совершен не по предварительно задуманному плану, а осуществлялся в зависимости от обстоятельств, складывавшихся на театре военных действий. Кутузов, в данном случае, выступал не в роли прозорливого полководца, имеющего тщательно разработанный план действий, который он всеми способами стремился сохранить в тайне (в том числе отправляя резервы и продовольствия в такое место, где он ими не мог оперативно воспользоваться), а блестящего импровизатора, способного тщательно взвесить складывающиеся обстоятельства и принять единственно правильное решение. Именно эта гибкость главнокомандующего в конечном счете и обеспечила успех флангового маневра, который стал важным шагом в достижении победы над противником.

¹ Все даты в тексте приводятся по старому стилю. В цитатах сохраняется стиль первоисточника и в квадратных скобках указывается дата по старому стилю.

² Кутузов М.И.: Сборник документов. М., 1954. Т.4. Ч.1. С.243. В сносках на литературу полные выходные данные приводятся при первом упоминании издания. В дальнейшем указывается только фамилия автора или название и страницы.

³ См. например: Поход Наполеона в Россию и бегство его из оной. М., 1813. Ч.1. С.64-65.

⁴ См. например: Бутурлин Д.П. Истории нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. СПб., 1823. Ч.1. С.309-310, 316-319; Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. СПб., 1840. Ч.3. С.1-7; Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г., по достоверным источникам. СПб., 1859. Т.2. С.252-253, 333-338, 341; Тарле Е.В. 1812 год. М., 1959. С.635; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С.436-441; Жилин П.А. Гибель Наполеоновской армии в России. М., 1974. С.186-190; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. С.198-201; Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Фельдмаршал Кутузов: Историко-биографический очерк. М., 1995. С.319-323.

⁵ Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия. М., 2004. С.691-692.

⁶ Беннигсен Л.Л. Записки графа Л.Л. Беннигсена о кампании 1812 г. // Русская старина. 1909. №9. С.502-503; Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова: 1798 – 1826 гг. М., 1991. С. 203-205; [Толь К.Ф.]

Журнал военных действий // Кутузов. Т.4. Ч.1. С.220-221. Сам М.Б. Барклай де Толли в составленном им «Изображении военных действий 1-й армии» ничего не говорит о возможном пути отхода русских войск (Отечественная война 1812 г.: Материалы Военно-ученого архива. СПб., 1912. Т.18. С.190-191. Далее – ВУА).

⁷ В начале XIX в. из Москвы в Калугу можно было следовать тремя направлениями. По главной почтовой, так называемой Новой Калужской дороге, которая проходила через село Шарапово, деревню Быкасово, города Боровск, Малоярославец и село Семейкино. По главной почтовой дороге через город Подольск, село Молоди, деревню Сафоново и город Серпухов, от которого в Калугу можно было добраться по побочным почтовым или проезжим большим дорогам через города Тарусу, Алексин и село Покровское. Последняя дорога – проезжая большая или Старая Калужская дорога шла через деревни Мостовая (Десна), Вороная (Вороново), Чернишня (Виньково), села Литашова (Леташево), Недельное, Гурьево (Вистицкий М.С. Указатель дорогов Российской империи. СПб., 1804. Ч.1. С.31-32).

⁸ Кутузов. Т.4. Ч.1. С.222-223, 227.

⁹ Государственный архив Калужской области. Ф.32. Оп.19. Д.510. Л.26; Кутузов. Т.4. Ч.1. С.178.

¹⁰ Кутузов. Т.4. Ч.1. С.227.

¹¹ Там же. С.230.

¹² В данном случае М.И. Кутузов, говоря о Тульской дороге, имеет в виду проезжую большую дорогу, проходившую через Каширу. Под Калужской дорогой он понимает главную почтовую дорогу до Серпухова (далее она шла на Тулу), откуда несколькими путями можно было добраться до Калуги. Возможно, главнокомандующему важно было подчеркнуть, что, став в Подольске, он получал возможность иметь прямое сообщение с Калугой, где была создана крупная продовольственная база. (Вистицкий. С.73).

¹³ Кутузов. Т.4. Ч.1. С.231.

¹⁴ Там же. С.233-234. О переходе армий на Тульскую дорогу М.И. Кутузов поставил в известность и великого князя Константина Павловича. Это не датированное сообщение составителями сборника документов «М.И. Кутузов» было отнесено к 6 сентября, хотя упоминание о движении войск на Тульскую дорогу позволяет датировать время написания этого документа 4 сентября (Кутузов. Т.4. Ч.1. С.246).

¹⁵ Кутузов. Т.4. Ч.1. С.243.

¹⁶ Там же. С.244, 245, 247, 248.

¹⁷ Там же. С.252-253.

¹⁸ Там же. С.254.

¹⁹ Там же. М., 1955. Т.4. Ч.2. С.277.

²⁰ В приказе М.И. Кутузова от 20 сентября 1812 г. указано, что в составе отряда полковника М.И. Ефремова находились донской казачий полк И.И. Андрианова 2-го, Симферопольский конно-татарский и 1-й башкирский полки, которые 14 сентября нанесли сильное поражение неприятелю, взяв в плен 500 человек (ВУА. Т.18. С.95). Вероятно, именно первые два полка были оставлены 5 сентября с Ефремовым на Рязанской дороге, а 1-й башкирский полк 4 сентября был направлен наблюдать дорогу на Серпухов, где он находился до 12 - 13 сентября. Этот полк мог быть направлен на усиление отряда Ефремова и вместе с двумя другими полками принять участие 14 сентября в атаке неприятеля у села Вышневого (Вишняково) (ВУА. Т.18. С.33, 74, 82; Кутузов. Т.4. Ч.1. С.237, 240, 270, 337-339).

²¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. Ч.2. С.316-322.

²² Сегюр Ф. Поход в Россию. М., 2002. С.131.

²³ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. Ч.3. С.2-3; Fain A.-J.-F. Manuscrit de 1812. P., 1827. Т.2. С.109.

²⁴ Кутузов. Т.4. Ч.1. С.237.

²⁵ Коленкур де А. Мемуары. Поход в Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С.145, 155. О казаках см. также: С.136, 156-157.

²⁶ Fain. P.109; Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P., 1838. Т.2. P.148; А де Коленкур в своих мемуарах пишет, что Мюрат приезжал в Москву один раз, встретился с императором и утром следующего дня вернулся к авангарду (Коленкур. С.154). Ф. де Сегюр свидетельствует, что Мюрат был в Кремле у Наполеона вечером 4 сентября (Сегюр. С.136).

²⁷ Брандт Г. Из записок прусского генерала от инфантерии Брандта о походе Наполеона в Россию в 1812 г. // Военный сборник. 1870. №4. С.245, 246.

²⁸ Fain. P.110-111.

²⁹ Fain. P.110; Chambray. P.148; Коленкур. С.155-156.

³⁰ Fain. P.111; Chambray. P.145, 148-149; ВУА. Т.18. С.55; Кутузов. Т.4. Ч.1. С.271, 337.

³¹ В 1812 г. барон Е.И. Меллер-Закомельский был командующим 1-м кавалерийским корпусом, в то время как командир корпуса Ф.П. Уваров являлся командующим регулярной кавалерией 1-й западной армии. Официально, начальником 1-го кавалерийского корпуса Е.И. Меллер-Закомельский был назначен 4 октября 1812 г. приказом Кутузова по армии. (ВУА. Т.19. С.333; Васильев А.А., Елисеев А.А. Русские соединенные армии при Бородине 24-26 августа 1812 г.: Состав войск и численность. М., 1997. С.31, 62, 87, 96; Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия. С.455).

³² ВУА. Т.18. С.45-46, 48; Кутузов. Т.4. Ч.1. С.253; Богданович М.И. С.334, 337.

³³ Кутузов. Т.4. Ч.1. С.271, 282-284, 337-338; [Барклай де Толли М.Б.] Изображение военных действий 1-й армии // ВУА. Т.18. С.192-193; Беннигсен. №9. С.512.

³⁴ Фактически в составе 2-го кавалерийского корпуса под командованием барона Ф.К. Корфа находился и 3-й кавалерийский корпус, существовавший в это время номинально. (См.: Крейц К.А. Записки Крейца // Харкевич В. 1812 г. в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып.1. С.75; Богданович. С.472; Васильев, Елисеев. С.32).

³⁵ Кутузов. Т.4. Ч.1. С.291-292.

³⁶ Там же. С.292-293.

³⁷ Там же. С.293; Беннигсен. №9. С.512; [Барклай де Толли М.Б.] С.192-193.

³⁸ Кутузов. Т.4. Ч.1. С.307, 308.

³⁹ Брандт. С.250-251.

⁴⁰ Роос Г. С Наполеоном в Россию. М., 2003. С.67.

⁴¹ Chambray. P.149-151.

⁴² ВУА. Т.18. С.83.

⁴³ Кутузов. Т.4. Ч.2. С.310-311.

⁴⁴ Голицын А.Б. Записки о войне 1812 г. кн. А.Б. Голицына // Военский К.А. Отечественная война 1812 г. в записках современников. СПб., 1911. С.71-72.

⁴⁵ Беннигсен. №9. С.512.

⁴⁶ ВУА, Т.18. С.4; Кутузов. Т.4. Ч.2. С.321. При публикации документа в обоих сборниках была допущена ошибка в определении адресата, которым был назван М.А. Милорадович. Однако обращение «ваша светлость» и указание оставить извещательный пост на Новой Калужской дороге позволяют утверждать, что данное предписание было адресовано князю И.М. Вадбольскому, направленному по приказу М.И. Кутузова от 16 сентября на Новую Калужскую дорогу для действий на Можайской и Рузской дорогах (см.: Кутузов. Т.4. Ч.2. С.309).

⁴⁷ ВУА. Т.18. С.4, 5; Кутузов. Т.4. Ч.1. С.331, 340-341; Дурново Н.Д. Дневник 1812 г. // 1812 год...: Военные дневники. М., 1990. С.94.

⁴⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. 1817 г. // Русская старина. 1897. №6. С.480.

⁴⁹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. Ч.3. С.17.